

Письмо к редактору газеты La Presse (Париж, 29 мая 1863 г.)

Господин редактор,

Я дал себе слово не принимать никакого участия в избирательных прениях. Я уже высказал мое мнение об этом предмете в печати и состояние моего здоровья в настоящее время не позволяет мне никакого умственного труда. Но последние статьи г. Жирардена, напечатанные в недавних номерах вашей газеты, касательно уклонения от подачи голосов, заставляют меня сделать над собой усилие и нарушить молчание.

Узнав из газеты, что предварительно вотирования должны были обсуждаться *два великие, два прекрасные вопроса* : 1-й, об уклонении от подачи голосов; 2-й, о том, каких усовершенствований можно ожидать от общей подачи голосов — г. Жирарден позволил себе увлечься до оскорбительных выражений относительно тех, которые уклонились от подачи голосов; он называет их *умами ложными, дикими, политическими евнухами, революционерами, сектаторами*, поведение которых *нетерпимо, фанатично и подло*. К чему такой поток ругательств? Объяснимся.

Но прежде следует спросить, кто виноват, что оба эти вопроса, в сущности, составляющие одно и то же, не были обсуждаемы? Брошюра моя (*les Démocrates assermentés*), касательно общей подачи голосов, в которой был изложен двойной вопрос — каких усовершенствований можно ожидать от общей подачи голосов в будущем и что в настоящем необходимо воздержаться от подачи голосов — появилась 20 апреля. Брошюру эту получили все газеты, следовательно г. Жирарден мог прочесть ее, отчего же он не начал прения? Партия, уклонившаяся от подачи голосов, не располагает никакой газетой; почему же *la Presse, le Siècle, l'Opinion Nationale, le Temps* не предложили нам своих столбцов? — Декларация или протест, уклонившейся партии (*les abstentionnistes*), адресованный к *демократическим избирателям*, помечен 17 мая, т. е., тринадцать дней до баллотирования, почему же самые эти газеты отказались поместить у себя этот протест? Против декларации этой напечатана была во всех газетах коалиции, авторами *Manuel électoral*, статья, доказывающая незаконность и недействительность немых бюллетеней; почему еще, когда подписавшие декларацию послали свое возражение, *la Presse*, не принимая во внимание права ответа, упорствовала в своем отказе поместить этот ответ на своих столбцах? Было сделано все, чтобы заглушить наш голос; а 28 мая, за три дня до выборов, г. Жирарден, сделав себя нашим клеветником, восстал против нас, сказав: будем вотировать, теперь поздно обсуждать!.. Поступок этот будет разобран, если силы мне позволят, и могу уверить, что не

к чести г. Жиардена. Теперь же достаточно и того, что я заявил о нем.

Г. Жиарден позволяет себе писать в насмешливом тоне: «Абстенционисты волнуются; абстенционисты совещаются; абстенционисты выпускают один циркуляр за другим, одну газетную статью за другой, чтобы помешать состояться голосованию, и т. д.» — По правде же сказать, г. редактор, мы держимся как нельзя более спокойно; мы не волнуемся, не собираем комитета и нисколько не образуем из себя тайного общества. Нас оказалось семнадцать человек, семнадцать граждан, собравшихся с разных точек политического горизонта, одни из нас принадлежат прошедшему и представляют демократическую традицию, другие обращены более к прогрессу, многие из нас никогда не встречались друг с другом, половина из нас свиделась в первый раз, прочие же прислали свое одобрение словесно или письменно. Надо полагать, что демократическая кандидатура очень ослабела, если теперь кричат о конспирации абстенционистов. Мы, как я сказал уже выше, ограничились тремя публикациями: брошюрой, протестом и возражением из четырех строк. Далее этого мы не пошли. Надо полагать, что это действие было весьма могущественно, если оно потрясло судебную палату, мастерские, биржу, церковь, двор, город и внушило против нас такой наплыв ярости и возбудило к нам столько гнева!

Да, мы вотируем немymi бюллетенями, и вместе с тем подтверждаем, что уважение к принципам, святость присяги, требуют, чтобы и демократия действовала точно также; да, мы утверждаем, что подобный способ уклонения, достоуважно мотивированный, совершенно законный и есть также действие, проявленное в высшей степени. Было ли опровергнуто право наше, на котором основывается наш тезис? Нет; действительность его признается всеми единогласно. Отвергаются ли причины факта, подтверждающие право это? Но факты очевидны для всех, они бьют в глаза, их можно резюмировать в двух словах: общая подача голосов, руководимая правительством, задавленная газетами монополии с согласия выступивших депутатов, не пользуется всей своей независимостью. На что же опирается г. Жиарден в своем нападении на нас, нас, которые по чувству демократического достоинства и по чувству самосохранения, советуем демократическим избирателям вотировать немymi бюллетенями! Он, с одной стороны вместе с гг. Оливье и Симоном, говорящими в пользу своих личных кандидатур, называет наше уклонение бездействием: кто уклоняется от подачи голоса, тот уничтожает себя, и т. д.; — с другой стороны вместе с жалкими авторами Manuel'я, озабоченными в настоящее время гораздо более своим легистским авторитетом, чем демократическим правом, и для которых одной партией меньше в общей подаче голосов — есть уже выгода, называет вотиrowание немymi бюллетенями незаконным. Вот почему нас обвиняют в нетерпимости, фанатизме и подлости. Раз навсегда покончим же с этими презренными обвинениями.

Прежде всего мне следует сказать, что уклонение от подачи голосов есть акт чисто консервативный. Демократия в настоящее время похожа на тяжущегося, в отношении которого правила судопроизводства не соблюдаются и для которого неявка в суд сделалась последним ресурсом. Адвокаты, авторы Manuel'я, не отвергают пользы неявки, они каждодневно в гражданских, коммерческих и уголовных процессах советуют ее своим клиентам. Как же осмелятся эти глубокие юрисконсульты утверждать, что между частным лицом, ходатайствующим за свою свободу, честь, собственность, — и гражданином, призванным высказать свое мнение о политике правительства, не существует никакого тождества? В таком случае я берусь доказать им, что все правила судопроизводства

гражданского и уголовного суть результат политических гарантий, которые во всяком свободном положении конституция обеспечивает за гражданами.

И так, уклонение от подачи голосов посредством немых бюллетеней вполне легально. Доказательством тому во 1-х, то, что голосование не обязательно; во 2-х, что когда избиратель решается вотировать, его выбор свободен; 3, что баллотировка тайная; 4, что не полагается никакого штрафа тому, кто уклоняется или не находит возможным вотировать; 5, наконец, как то сказал наш друг Шоде в своем ответе на статью адвокатов, что в иных случаях для вотирующего избирателя выгоднее выражать свое сомнение, свое отвращение, свой протест немым бюллетенем, чем отвечать на коварно предложенный ему вопрос *да* или *нет*. Авторы Manuel'я должны остаться довольны этими доводами; но если они опять будут возражать, то я обещаю им привести новое доказательство.

Другого более удобного случая для немого вотирования как тот, который представляется ныне, еще не было. — Здесь уклонение есть выражение высшей степени действия; оно по энергии своей берет верх над действительным вотированием, как бы то ни было, потому что оно имеет целью предоставить предварительно каждому выбору этот великий и прекрасный вопрос — *какие усовершенствования должны войти в механизм общей подачи голосов, для того, чтобы он мог нормально действовать.*

Напротив, г. Жирарден кричит нам, цитируя монсиньора Дюпанлу и его собратий по епископству: *Вы ничему не можете помешать вашим отказом вотировать, а лишаетесь всего; вы жалуетесь, что другие плохо видят, а сами вы лучше ли увидите, когда закроете глаза, и т. д.* Монсиньор орлеанский превосходный ритор; к несчастью вопрос касается не его.

Я отвечаю прелатам, что, отказываясь от подачи голоса, я ничего не уступаю; напротив, и соблюдаю, и сохраняю все; здесь, чтобы победить произвол, не значит бороться против самого себя и делаться помощником этого произвола, но оставить его истощиться в своем собственном действии. Я возвращаюсь опять к приведенному мною выше сравнению между частным тяжущимся и вотирующим избирателем и спрашиваю, с которых пор тяжущийся за неявку в суд считается потерявшим свое право; не бывает ли напротив? сколько людей спасли себя неявками, тогда как прениями несомненно погубили бы себя! Если бы несчастный Лезюрк мог, подав апелляцию, не являться и оставаться в тюрьме до того времени, когда истина открылась, то он спас бы свою голову и семейство его не вынуждено было бы ходатайствовать о восстановлении чести его имени.

Монсиньор Дюпанлу и его коллеги достаточно говорят о всем этом в своем поощрении нас к вотированию. Для современной церкви, различествующей в этом случае с церковью средних веков, равно как и для г. Жирардена и ему подобных, все правительства одинаковы и стоят одно другого, начиная с автократии и кончая федерацией. Равнодушие к общественному праву, а потом смешение принципов и мнений, вот их догм. Что им за дело до того, что будет несколько более или несколько менее стеснения в процессе всеобщей подачи голосов. Им ненавистна демократия и ея стремления и принципы, Им ничто не понятно в нашей добросовестности. Поэтому, нам ничем не следует пренебрегать, что может способствовать к точному определению нашего положения и нашей мысли. В то время как правительство, сопровождаемое епископством, поддерживаемое консервативным и

реакционерным большинством и частью самой демократией, видит в общей подаче голосов лишь политическое орудие, с которым опасно обращаться и которое требует высшего руководства власти, — в наших глазах общая подача голосов, организованная согласно своему закону, есть учреждение демократии, и мы не должны и не можем ничего терпеть, что может нарушать ее; неприкосновенность общей подачи голосов есть палладиум свободы. По поводу этого мы скажем вместе с Боссюэтом, *что есть принципы, против которых что бы не делалось, ничто само по себе*, и прибавим еще, что во имя этих принципов мы устанавливаем формы, условия и гарантии общей подачи голосов.

Что ответил бы монсieur Дюпанлу, если бы ему предложили вотировать о формировании собора, составленного из духовенства всех культов и имеющего целью соединение всех религий? Монсieur Дюпанлу ответил бы, что соглашение невозможно между католической религией и протестантством, иудейством, магометанством и проч. Он отказался бы вотировать, и никто не нашел бы против этого возражения. Мы в отношении своих политических убеждений точно тоже, что монсieur Дюпанлу в отношении своего религиозного верования. Мы думаем, что из всех форм правления лишь одна истинна, а именно форма, вытекающая из общей подачи голосов. Из неё вытекает все право общественное, административное, гражданское, экономическое, криминальное, политика, семейное начало и собственность.

Постановив это, мы формально отказываемся от всякого произвольного действия, и если что нам внушает отвращение, то это именно равнодушие к правительственным формам, это соглашение несогласуемых мнений, эта ассоциация голосования, которую представляют нам люди различных школ, подобно гг. Жирардену, Монтеламберу и Дюпанлу.

Называйте нас чем хотите, *сектаторами, революционерами*, названия нас не пугают, лишь бы они были выяснены. Без сомнения, мы составляем секту, секту, рожденную только вчерашний день и помимо нашей воли; мы в меньшинстве нашем бессильны, но в нас есть нечто, что нас отличает от массы и что заключается в том, что мы признаем свои принципы, подтверждаем учреждение демократии и не краснеем от общей подачи голосов. Противники же наши не имеют всего этого; у них нет ни принципов, ни политической совести, они не верят ни в общую подачу голосов, ни в божественное право, ни в конституционную монархию. Без сомненья мы революционеры; но и реформаторы государств были ими, по крайней мере в продолжение того времени, которое требовалось для учреждения государства, и счастлив тот народ, у которого инициаторская власть без необходимости не длила своей диктатуры! Правительство, говорю я, революционно, оно бывает таковым каждый раз, когда, возникая из развалин, оно вынуждено действовать противоположно разрушенному принципу и в силу того принципа, который оно произвольно учредит и который оно не успело еще ввести в закон. Таким образом в 1789 учредительное собрание было революционно; конвент, консульство, реставрация, июльская монархия были также революционными; республика же 1848 совсем не была революционной, она не признала своего принципа и ея невежество ее убило; 2 декабря было революционно, но было им слишком долго... И мы в свою очередь, уклоняющиеся от подачи голосов, мы будем также революционны; но успокойтесь, гг. Жирарден и де-ла-Геронньер и все те, которые надеваете личину страха, мы свое дело не затынем и скоро его покончим.

Что сказать мне о присяге? Для гг. Жирардена, Дюпанлу и прочих людей,

придерживающихся политическому равнодушию, присяга не имеет ни смысла, ни важности. Чем рискуют они? Их присяга продержится столько, сколько продержится правительство, которому они присягнули и которое они нисколько не намерены опрокинуть, равно как и принести ему какие-либо гарантии. Живи, если можешь, говорят они ему, защищай себя само, мы же умываем руки!.. Для нас же, уверенных в том, что в организованной общей подаче голосов мы обладаем истинно демократической конституцией; что нашими желаниями, трудами, всеми усилиями мы стремимся к осуществлению вашей идеи, мы, вера которых имеет принципы и обязывает нас предвидеть тот случай, когда присяга, принесенная государю, может сделаться несогласуемой с теми действиями, которые нам предписывает наша вера, — мы отказываемся от присяги. Присяга, данная нами, была бы апостазия или клятвopеступление; нам невозможно было бы избежать этой дилеммы.

Без сомненья, уклоняясь от подачи голосов, мы тем удаляемся на время, а может быть и очень на долго, от власти и её выгод. Почести депутатов и все выгоды слияния партий не для нас. Самая популярность и та бежит от нас; современная генерация целой массой вступила на пут, на который мы никогда не вступим. Мы умрем при нашей задаче, прежде чем взойдет заря, о которой мы мечтали. Пусть так. Мы пойдём вперед без надежды и даже против надежды. Мы останемся верны нашему прошедшему, нашей политической религии, нам самим. Мы будем помышлять о наших братьях, умерших в изгнании, в тюрьмах и на баррикадах; мы облобызаем прах их и скажем, подобно Маккавеям: «умрем в нашей простоте» — *moriamur in simplicitate nostra!*..

Но что я говорю! Разве мы не вознаграждены уже той анафемой, которою гремит против нас г. Жирарден и прочие, кому наше воздержание, обзываемое инерцией, бессилием, самоубийством, служит помехой.

Интриганы, без уполномочия, предприняли из-за собственных выгод сочетать браком императора с демократией 1848 г. Условия контракта, как они говорят, должны были быть — честная и умеренная свобода; и они называют это венцом здания. Сами же они, сделавшись министрами, хотят, чтобы демократия довольствовалась тем. Но для этого необходимы были две вещи: заставить эту новую демократию вотировать как один человек без уклонения и завербовать ее присягою её кандидатов. Все казалось было готово для брачной церемонии; но вдруг послышался голос: этого нельзя! Голос выходит из небольшой группы людей, о которых никто не думал. Брак не может состояться, ему не бывать, во-первых, потому, что невеста не свободна располагать своей рукой; а во-вторых, она дала обет девства.

И вот брак не состоялся, к великому прискорбию, г. Жирардена и его аколитов. Непризнанные ни одной стороной сваты вынуждены предложить свободный союз, вне всякого влияния партий, нечто в роде морганического брака между императором и старым обществом улицы Пуатье, которое в 1848 г. расточало свои улыбки Людовику-Наполеону и год спустя увидело себя столь оскорбительно презренным им. И вот поэтому-то г. Жирарден, дав прежде свой поцелуй примирения г. Карно и его партии, ныне горячо целует гг. Одилона-Барро и Тьера. Так называемые депутаты-демократы, если баллотировка им поблагодарит, будут присутствовать при отходе ко сну королевской фаворитки и станут держать подсвечники.

Исправляйте вашу должность сводчика, г. Жирарден, возбуждайте избирательную толпу, сзывайте, сзывайте к вашей урне потоки бюллетеней, но воздержитесь обзывать евнухами граждан, неумолимое *veto* которых опрокинуло ваш честный проект. Знайте, что евнухи суть те, чья тщеславная мелочность готова сойтись со всяким режимом, и кто хвастается своим республиканским образом мыслей для того, чтобы придать более весу своему сближению и в ком присяга кастрировала совесть! Ступайте, если смеее, к г. де-Персиньи, не давшему вам уполномочия, скажите ему, что он напрасно пугается кандидатуры г. Тьера, вы в замен приносите голоса Карно, Корбона, Вашеро, Жюль-Симона, Мари, Пелльтана, Морена, Оливье, Жюль-Фавра, Дрео, Кламажерана, Флоке, Герольда, Геру, Гавена, Нефцера, но не хвастайтесь тем, что для императорской системы вы приобрели нашу молодую демократию. Здесь единство весьма важно, а мы публично протестовали. Что же касается толпы, обманутой вами, дезорганизованной, спутанной вами, с повязанными глазами бросающейся к урнам, то она неспособна завершить дело, к которому вы ее призываете. Она не может ни помирить, ни компрометировать. Мы же действующие с знанием дела, мы своим обдуманном уклонением уничтожаем все её голоса. Бюллетени, которыми вы запасаетесь, как бы их число ни было велико, не будут иметь большого значения, чем пламя плошек, зажигаемых во время публичных празднеств, и которые, будучи зажжены наемной рукой, горят сегодня в честь короля, завтра в честь республики, а после завтра в честь императора.

Что же касается эпитета *подлости*, которую приписывает нам г. Жирарден и осмеливается при этом еще спрашивать нас, зачем мы не возмущаемся подобно полякам, то мы не считаем даже нужным на это отвечать. Г. Жирарден до того забылся, что даже не заметил, что прибегает в отношении нас к гнусному способу — подстрекательству. Нет сомнения, что между нами есть еще люди, которые уже доказали себя и которые не прочь и теперь еще, в случае неудачи, поплатиться своей особой; прочие же последуют за ними по мере сил. Но довольно для каждого дня своей жертвы. Нас семнадцать человек, от двадцати до шестидесятилетнего возраста. Пусть же нас оставят засевающими в наших траншеях; в них мы недосягаемы и непобедимы.

Честь имею кланяться.

П. Ж. Прудон

Версия #1

Зверобой создал 15 марта 2025 07:42:53

Зверобой обновил 15 марта 2025 07:44:08